

ДУША НЕУВЕЧНАЯ

*Памяти Философа Васильевича Мокрушина
И Сергея Алексеевича Касьянова*

Из-за обтерханной белой двери, за которой заседала призывная врачебная комиссия, доносился странный диалог на повышенных тонах. Один голос – устало-спокойный, привыкший приказывать и уверенный, что приказ будет выполнен, однако здесь – уговаривающий, но с ноткой нарастающего нетерпения. Другой – интеллигентный, пока ещё иронично-взволнованный, хотя уже близкий к грани недоумённого возмущения.

– Да поймите же вы, наконец! Нет, нет и ещё раз нет! Нельзя, голубчик! Виданное ли дело?

– И вы меня поймите – свету белого из-за него уже не вижу! По ночам мне снится, чёрт кривоглазый! Я уж приказал, чтоб его на порог военкомата не пускали – сразу гнали в зашей! Но он как-то, словно кот в голбец со сметаной, просачивается: мозги дежурному так запудрит, что тот его сразу без очереди ко мне в кабинет тащит!

– Да уж, способный молодой человек, пройдошистый, ничего не скажешь. За словом в карман не лезет. Но ведь инвалид! Ладно бы зубов не было или хотя бы пальца, а тут – глаз! Важнейший орган! Ох, он и у меня уже раз десять бывал – и кричал на меня, и улещивал велеречиво, словно невесту... Даже, смешно сказать, взятку мне предлагал, чтобы я его признал годным к во-

инской службе! Заметьте, не негодным – таким-то бы просьбам я не удивился, а годным!

– Вот-вот, и мне пол-литру совал! А когда я его к лешему послал, кинул мне на стол свой «белый билет» и пригрозил голодовку объявить. Каково, а? Самому товарищу Сталину, орёт, напишу, нажалуюсь на ваши порядки! Родину, дескать, я ему запрещаю защищать! И ведь правда напишет, тогда тут такое начнется – не приведи бес! А мне и без товарища Сталина – хоть в петлю лезь... Так, может, посодействуете, а, товарищ военврач? Сплавим его отсюда, а там пусть другие с ним разбираются.

– Нас же на смех поднимут! С должностей сгонят! Скажут, вы бы ещё безголовых на фронт посылали!

– И пусть смеются, пусть сгоняют, зато нам без него передышка славная будет – хоть отоспимся! А наверху поймут, что паренёк вроде как немного того – не в себе, и, рубашку смирительную надев, спровадят его в блаженные места, откуда не на войну, а только на горшок просятся... Поставьте, где полагается, закорючку да штампик – и нехай радуется! Пригласить его? Он тут за дверью давно дожидается.

– Да это вы, похоже, «немного того», а не он! Не бывать одноглазым в армии – зарубите себе на носу! Чёрт знает что, взрослый дядя, целый майор, а понятия – ни на грош!

– Я, товарищ военврач, по-доброму хотел, но вообще-то, если понадобится, могу вас прямо сейчас по стойке «Смирно!» поставить и приказать! Пулей полетите и сами этого паяца кривого до эшелона проводите...

– Ах, так? Пулей, значит? Подождите – сейчас вас самого поставят в неудобную позицию! Тоже мне – приказчик нашёлся!

Дверь с треском распахнулась, из неё и взаправду шальной пулей вылетел немолодой доктор в белом халате, полы которого ангельскими крыльями развевались на его узких плечах. Расталкивая локтями сгрудившихся в коридоре новобранцев, он стремительно направился к выходу. За ним, безуспешно пытаясь прикурить папиросу, неспешно вышел коренастый военный в чине майора – верещагинский военком. Он жестом остановил кинувшегося к нему с ворохом бумаг художавого парня:

– Потом-потом, Мокрушин! Сам слышал, не решили ещё, что с тобой делать...

– Как это не решили? Сколько можно меня мурыжить? Бюрократы! Распоясались тут вдали от передовой! Думаете, управы не найду на вас? – взбеленился тот.

– Но-но, ты не очень-то пасть разевай, а то второй глаз выткну! – рассердился было военком и вдруг ехидно хихикнул. – А управу-то, похоже, сейчас на тебя найдут, а не на нас. Хор-рошую такую управу, всем управам управу!

Хронически не высыпавшийся, затравленный многочисленными жалобами, требованиями, угрозами, он сам раз в месяц и каждый раз безрезультатно подавал по начальству рапорты с просьбой отправить его на фронт. Поэтому хоть и не показывал вида, но всё же втайне завидовал и сочувствовал этому надоедливому,

хуже горькой редьки, молодому человеку, что всеми правдами и неправдами стремился попасть на войну.

Военком догадывался, к кому так поспешно направился военврач. Три дня назад на станцию Верецагино с инспекцией прибыл известный генерал, под началом которого доктор воевал в Первой Конной армии ещё в Гражданскую. Они тепло встретились, прилюдно обнялись, вспомнили былые битвы и жестокие рубки, и военврач, похоже, всерьёз рассчитывал на подмогу все-сильного сослуживца, который даст укорот и военкому, и тому одноглазому выскочке.

А Мокрушин и в ус не дул. Он решил, что с места не сдвинется, пока не добьётся правды. А в борьбе за правду бояться нечего и некого – хоть генералами, хоть маршалами пугай!

Совсем молоденькие новобранцы из окрестных приобвинских и верх-очёрских деревень, ожидая медкомиссии, голышом мёрзли в сыром коридоре, стыдливо прикрываясь ладошками ниже пояса. Истощавшие на впроголодных тыловых харчах – синие тени в под-глазьях, бледная кожа в пупырышках, на которой от холода торчмя дыбились редкие волосишки, наголо обол-ваненные головёнки в детских шишках и царапинах, они, раскрыв рты, слушали ободряющие шутки-прибаутки Мокрушина, тихо прыскали, стесняясь оглушить строгую больничную тишь громовым хохотом. Они видели, как уверенно держался Мокрушин, опасно смело покрики-вая на большое начальство – видно, и сам из таковских. Ведь он единственный из всей мобилизованной братии был в штанах и щеголял нетронутой шевелюрой. Рекру-

ты думали, что перед ними бывалый солдат или даже геройский командир, тем более что правая сторона лица Мокрушина была обезображена шрамом и зияла пустой глазницей.

Половицы коридора визгливо заскрипели, содрога-ясь от грузной походки. Перед испуганными новобран-цами, словно с портрета сошедший, явился знакомый генерал – крутой лоб, усищи вразлёт, шею оглоблей не перешибёшь, ноги скорые, с кавалеристской раскоряч-кой – свита едва за ним поспевает. Военврач, страдая одышкой, спешно семенил рядом со своим бывшим эс-кадронным:

– Да честное слово, товарищ генерал – одноглазый!

– Как одноглазый? Что ты мне тут чушь несусветную порешь? Выпил, что ли? – глядя на раскрасневшееся лицо военврача, усомнился генерал. – А ну, дыхни!

– Фух! – деликатно дунул куда-то в сторону доктор.

– Тьфу! – в сердцах плюнул генерал. – От вас, ме-дицины, вечно карболкой или ещё какой-нибудь дрянью воняет: под такое амбре хоть ведро горилки выхлестай, всё одно не поймешь... Но пьян ты или трезв, а всё рав-но ерунду несёшь! С каких таких пор в нашу доблестную Красную Армию начали калек принимать?

– Да мы и не принимаем, но он так просится, что и куда бежать от него, дьявола, не знаем! Вот и товарищ майор не даст соврать, – врач кивнул в сторону вытя-нувшегося в струнку военкома. – Все нервы нам вымо-тал этот Мокрушин!

– Хм, а ну давай его сюда, поглядим, что за птица – орёл или перепелица...

– Я здесь! – смело шагнул к генералу Мокрушин, от-
вернувшись от него обезображенной половиной лица.

– Та-ак! Ну, с виду-то вовсе и не орёл! И уставился
на меня одним глазом, будто кочет с насеста, – генерал
наклонил голову в сторону, пытаясь разглядеть вторую
половину лица рекрута, даже пару шажков по инерции
сделал, но Мокрушин синхронно его движениям довора-
чивал голову.

– Зато и не курица, товарищ генерал! А петух, как
Кутузов, и одним глазом увидит, какую квочку притоп-
тать!

Тут уж голоштаные новобранцы не выдержали и
разразились молодецким ржанием. Военком из-за спины
генерала показал им кулак, военврач обречённо закатил
глаза, а побагровевший генерал тоном, не обещающим
ничего хорошего, проскрипел:

– Ну-ка, пройдемте-ка в ваш кабинет, товарищ во-
енврач, побеседуем, так сказать, с глазу на глаз с этим
балагуром. Ишь, Василий Тёркин, нашелся...

Мокрушин и тут не стушевался, подтянул сползав-
шие штаны, по рот-фронтски поприветствовал моби-
лизованных и юркнул в кабинет вслед за начальством.

– Значит, собрался Родину защищать... Ге-рой!
Гвар-рдеец! Уважил так уважил, прямо дышать легче
стало. А мы-то в Генштабе сон потеряли – никак не уку-
батурим, как без такого молодца с немцем сладим! Те-
перь-то, конечно, всё пойдет как по маслу. Одоле-ем
ворога, да, товарищи? – генерал озорно подмигнул при-
сутствующим, а военврач с военкомом угодливо подхи-
хикнули.

– Позволь, голуба, полюбопытствовать – это в каких боях ты око потерял? С японцами или, может, с финнами?

– Я не в боях, – потупился Мокрушин. – В деревне еще углами игрались, шалили всяко... Давно. Бомбочки бахали, пышкарили да патроны в костер кидали, ну мне и шандарахнуло. Дурак был...

– А теперь, значит, поумнел? Так, выходит, ты на действительной не был?

– Никак нет, – вздохнул Мокрушин. – Но зато учился в ОСОАВИАХИМе¹. Значок БГТО² имею. Военную службу я зна-аю!

– Ах, даже зна-аешь?! – округлил глаза генерал. – И в какие войска тебя, головореза такого, определить прикажешь? В лётчики, танкисты или в кавалерию?

– Нет, в пилоты меня с одним глазом не возьмут, я же понимаю. А вот в авиатехники или аэродромную службу – я смогу. Постараюсь! А если и туда нельзя, тогда в пехоту пойду.

– А пехоту, царицу полей, по твоему разумению, набирают по принципу: «Бери убоже, что нам не гоже»? Как ты, садовая голова, воевать-то собрался? Целиться-то чем и куда станешь? Глаз-то у тебя один и тот левый! – вытирая пот со лба, разошёлся генерал.

¹ ОСОАВИАХИМ – общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству – советская общественно-политическая оборонная организация, существовавшая в 1927–1948 годы

² Значок БГТО («Будь готов к труду и обороне») вручался школьникам до 17 лет, сдающим спортивные нормы

– Почему один? Вот второй! – Мокрушин пошарил в кармане и достал оттуда... стеклянный протез. Он плевал на него, стёр прилипшие соринки и протянул генералу. – А стреляю я не хуже вас! Если не слабо, можем хоть сейчас спытать...

– Да я тебя под арест! На «губу»¹ закатаю! Насидишься в холодочке на хлебе и воде – враз прозреешь!

– Не имеете права, – спокойно усмехнулся Мокрушин. – Я еще вроде как не в армии, присягу не принимал – устав нарушаете, товарищ генерал! Вот как форму надену, тогда пожалуйста – хоть в штрафроту!

– Вы полюбуйтесть – буквоед какой! Шибко грамотный, да? – растерялся генерал и мгновенно рассвирепел. – А что это он у вас, медицина, так вальяжно расселся, будто падишах, да еще в штанах? Тут медкомиссия армейская или бордель мадам Коко? Может, он отсутствие еще какого-нибудь важного органа от вас скрывает? Вста-ать!

Военврач и военком вскочили сию же секунду, хотя команда была вовсе не для них. Мокрушин же, выдерживая характер, поднялся нарочито медленно, с достоинством.

– Вы не кричите и не смейтесь надо мной, товарищи военные! Думаете, блажит и выпендривается одноглазый? Вот нет! Из моей семьи все мужики на фронт

¹ Губа (армейск. жарг.) – гауптвахта, специальное помещение, расположенное на территориях военных частей, где содержатся арестованные военнослужащие, совершившие правонарушения во время несения службы

ушли, один я остался, словно калека. Перед людьми известно...

– Да ты и так калека! Нечего тебе стыдиться! – встрял военком.

– Вот он не понимает меня, хотя по должности своей обязан, – развёл руками Мокрушин. – И товарищ военврач тоже политически неверно мыслит! Вы прикажите им, товарищ генерал, чтобы они не волокитили, а немедленно удовлетворили мою просьбу!

– Как я могу приказать медицине? Я не Господь-Бог, глаз тебе новый на раз-два не сотворю!

– А кто тогда может приказать? Товарищ Сталин может?

– Вот ведь, и Верховного сюда приплёл. Нашел важное дело!

– А вы, считаете, не важное? Покажите мне, где это в нашей сталинской конституции записано, что одноглазый не имеет права защищать свою Родину? Или одноногий, однорукий? Нас что теперь – в утиль?! Если так, прикажите отвести меня во-он в тот дворик и пусть меня расстреляют, но я с места этого не сойду, пока правды не сыщу.

– Да поймы ты, дурень...

Генерал досадливо крикнул и умолк. Он чувствовал, что его аргументы в споре с этим ершистым мальчишкой, пусть с точки зрения закона во всех отношениях правильные, закончились, и что они – пустой звук, по сравнению, с отчаянной силой волей невезучего парня, готового заплакать своим единственным глазом от обидной несправедливости, но уж никогда не от страха.

Вот оно – первое советское поколение, выросшее на трудных, но своих, честно заработанных народом хлебах!

А военврач согласительно покивал, потому что он буквально недавно скрыл тяжёлое увечье у молодого лейтенанта, которого после госпиталя должны были немедленно комиссовать из армии. Уж как тот умолял, как ревел от обиды, что даже до передовой не доехав, попал под бомбёжку и получил тяжелую контузию. Как, говорил, я в глаза своим товарищам смотреть буду, которые на Волжской твердыне свои жизни кладут? На портупее готов был повеситься, если б военврач отправил его домой...

А военком вспомнил, что третьего дня готовил документы на железнодорожника, который как путеец имел «бронь» от фронта и в придачу близорукость на «минус пять». После того, как ему вновь отказали в отправке на войну, специально прогулял парнишка три рабочих дня, за что полагалась тогда тюрьма и штрафбат. Забаррикадировался у себя на квартире и держал оборону от всех, кто уговаривал его одуматься. И словно блаженный радовался, когда его под конвоем вели в трибунал: дескать, обманул систему – хоть таким макарон, но своего добился. «Вот и этот Мокрушин до конца пойдёт, если мы его забракуем, – подумал военком. – Раньше, чем немец убьём парнишку, погубим своей чёрствостью».

И генерал вдруг задумался, что ничего унизительного для Красной Армии нет, если в неё всеми правдами и неправдами стремятся вот такие ребята. Пусть с физическими увечьями, зато с совестью светлой и неповре-

ждённой. Неприятно, если наоборот, здоровые, откормленные, хитропродуманные мерзавцы скрываются от войны в такой тяжелый для Родины момент, упрашивают своих всесильных папочек и истеричных мамаш уберечь их жалкие жизни от бойни, валом валят не под Сталинград, где решается судьба Отечества, а в Ташкент или Алма-Ату, под ласково солнышко да сытные пайки.

И хорошо, что по столь лихой године на счастливое удивление мало в советской стране таких подонков, хотя, конечно, чего скрывать, имеются. А этот пускай и одноголазый, но всё равно симпатичный, с красивой душой Мокрушин будет им вечным живым укором. И на войне – те, кто в других обстоятельствах спраздновал бы труса, при нём постесняются дрейфить. А значит Красной Армии от подобных парней несомненная польза. Такая вот, если разобраться, философия...

– А что, медицина, помнишь у нас в Первой Конной был комэска¹ без обеих ног? По самый пах ему в Польше пёсья шляхта ходули отсекла, так он, как только оклемался, требовал: дескать, или застрелите меня, или на коня сажайте. Не могу, мол, иначе, пока контру не передушим. И ничего, рубился, как полагается, на Врангеля ходил! Беззаветного геройства был хлопец, а?! – словно ища поддержки, повернулся он к стоявшим навтыжку военным.

И военврач, и военком, и даже сам Мокрушин поняли, что сейчас произойдёт.

¹ Комэск, комэска (*армейск. жарг.*) – командир эскадрильи

– Как звать-то тебя, солдат? – пряча в прокуренных усах улыбку, спросил генерал.

– Филосóф, – покраснел Мокрушин от смущения за свое некруглое имя из старушечьих святцев.

– Как-как? Филосó-оф?! Оно и видно! – расхохотался генерал. – Ну, раз Филосóф, то нам, товарищи, его ни в жизнь не переспорить. Наведёт он нам тут диалектику с материализмом и эмпириокритицизмом, да классиками марксизма сверху придавит. Так что, слушайте мой приказ...

